

Иннокентий Анненский

Пушкин и Царское Село

I

Сто лет тому назад в Москве на Немецкой улице родился человек, которому суждено было прославить свою родину и стать ее славой.

Бог дал ему горячее и смелое сердце и дивный дар мелодией слов сладко волновать сердца. Жребий судил ему короткую и тревожную жизнь и ряд страданий. Сам он оставил миру труд, ценность которого неизмерима. Этого человека звали Александр Сергеевич Пушкин.

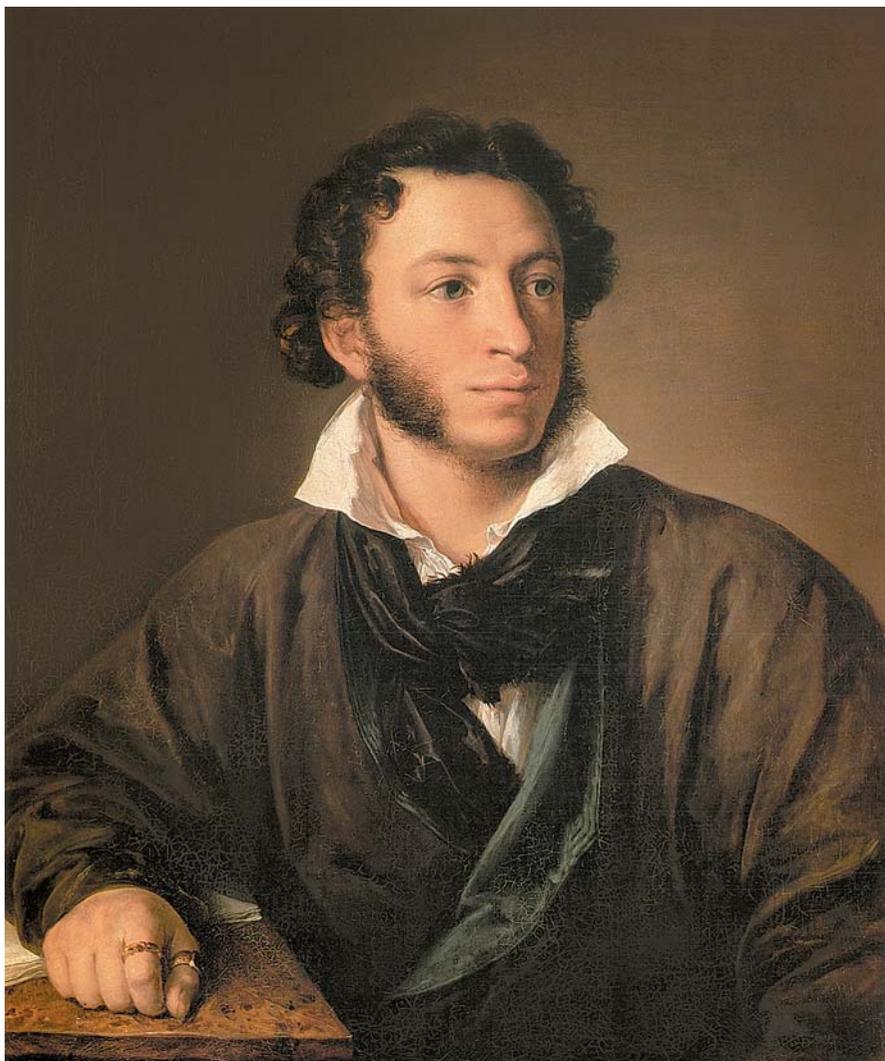
Вчера и сегодня это имя у всех на устах. В церквах молятся об успокоении раба божия Александра, и нет, я думаю, того русского ученика, который, умея петь панихидные молитвы, не захотел бы примкнуть к хору молящихся за любимого поэта.

Не только урочища пушкинской славы, как Москва, Петербург, Михайловское и Царское Село, чествуют Пушкина и вспоминают о своей прикосновенности к его жизни и творчеству. Даже случайные пристанища поэта, — а куда не бросала его судьба: от Виноградской долины до Арского поля, и от Невы до Арпачая? — даже такие города, где он провел два-три дня в жизни, и те к юбилею собрали между старожилов клочки их старческих воспоминаний о дорогом госте: его обиталища разысканы и отметились надписями, и некоторые из них, верно, станут с этого дня читальнями, школами, богадельнями. Всякая черта не только в судьбе поэта или истории его рода, но даже в биографии его друзей получает для нас теперь какую-то новую ценность, и мы жадно роемся в пыли всевозможных архивов — и консисторских и военно-судных, чтобы добыть данные для освещения образа поэта, его творчества и судьбы.

Сооружаются новые памятники: у нас, в Одессе, в Петербурге. Не забыт и завещанный им *нерукотворный* — его сочинения, и надо надеяться, что наша Академия, издав их проверенный текст, раз навсегда положит предел наивным ошибкам и дерзким поправкам его издателей.

Пора вспомнить, каких часто мучительных усилий, еще с лицейской скамьи, стоили Пушкину точность его выражений и музыкальность стихов. Может быть, и в народных аудиториях подлинный Пушкин мало-помалу заметит рассказанного.

А кто исчислит эти речи, гимны, увенчанные бюсты поэта, цветы, которыми они будут засыпаны, и строчки пушкинских стихов, которые сегодня слетят с уст? Тени поэта вовсе не нужно наивной дани наших восторгов, и мы это знаем; но она нужна нам самим как залог светлых и долгих воспоминаний об исторических днях пушкинского юбилея. Справедливость требует отметить также, что родина поминает Пушкина не одними цветами и песнями: сколько стипендий, школ, читален и больниц наречется отныне во имя того, кто лирой пробуждал в нас добрые чувства!

А. С. Пушкин.

Портрет работы В. А. Тропинина. 1827 г.

Но чей же праздник сегодня? Кто идет на пушкинские торжества, кто их устраивает? Празднуют хранилища и рассадники русского просвещения — все, от Академии наук до самой скромной школы. Еще бы им не праздновать! Ведь все тайны нашего языка и народности и драгоценнейший залог их бесконечного развития — они там, в пушкинских творениях: там и уроки, и образцы, и школьный труд, и школьный отдых.

Празднуют и писатели: Пушкин не только дал им совершеннейшие из творений русского слова и доказал, что бессмертие может быть уделом и русского гения; он не только отлил для них новые формы творчества, ставшие мировыми

под пером его преемников, но он дал им два новых орудия небывалой дотолле гибкости; свой язык и свой стих. Говорить ли о том, что своим гением, благородством натуры и высоким трагизмом жребия он поднял самое достоинство русских писателей.

Празднуют художники-живописцы, скульпторы, композиторы и артисты: не только поэзия и судьба, даже самые черты Пушкина близки их вдохновению. Чтобы не называть живых современников, я напомуно вам только имена: Брюллова, Кипренского, Ге, Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Чайковского. И так, на праздник идет школа, литература и искусство — но ведь для них Пушкин — блистательный патрон, и связи их с поэтом, несмотря на все свое значение, — все-таки связи профессиональные. Есть другие узы, которые связывают с Пушкиным всех русских без различия. Этим узам не суждено стареть, и пушкинскую поэзию можно сравнить с его Людмилой, над которой бессильны чары Черномора-времени. Разве теперь, читая или повторяя на память его «Пророка» или «Анчара», мы чувствуем на плечах гири столетнего юбилея? Разве божественная речь монологов «Бориса Годунова» кажется нам созданной 75 лет тому назад? Разве самые архаизмы Пушкина не дышат всей наивностью живого чувства?

Но детский лик царевича был ясен
И свеж, и тих, как будто усыпленный.

Я спрошу у вас, разве вы знаете хоть одного человека, рожденного под русским небом и умеющего читать по-русски, и чтобы ни разу в жизни и ни одна строка пушкинской поэзии не заставила его сердце хоть на минуту забыть сильнее обыкновенного?

Вот из этих-то непосредственных и живых впечатлений пушкинской поэзии и слагается настоящее торже-

*Примечания и комментарии см. в конце книги.

ство его памяти, в них и надо искать духовного центра наших праздников.

Но кто же мы, кто читатели Пушкина? Поэт мечтал когда-то о «народной тропе» к своему «нерукотворному памятнику», т. е. поэзии, — и время пролагает эту тропу...

На наших глазах сбывается и вещее слово поэта о широкой известности его имени «в подлунном мире». Пушкина называют и читают на 52 языках, вот уже 76 лет, как его стали переводить², и есть мировые языки, которые насчитывают более 250 его переводов и изучений, а среди обладателей переводов проходят перед нами не только «гордый внук славян», т. е. все славянские народы, но и финн, и «друг степей калмык», которых пророчески называл поэт в своей оде.

II

Судьба особенно тесно связала имя Пушкина с Москвой, где он родился, с Петербургом, где жизнь его, по словам биографа, «завершилась событием, исполненным драматической силы и глубокой нравственной цели»³, и, наконец, с Михайловским, возле которого находится его могила. И совершенно справедливо, если на пушкинском торжестве первые места принадлежат нашим столицам и Святым Горам. Но и у *Царского Села* на всероссийской тризне есть свое и неотъемлемое место.

Здесь Пушкин провел 6 с половиной лет; в этих садах зацвел его дивный талант, наконец, здесь поэт два раза жил иллюзиями счастья: сначала в кругу лицейских друзей, а потом в медовый месяц, летом 1831 г.

Кто не помнит стихотворений и отдельных строф, посвященных Пушкиным Царскому Селу, — они блещут по всем страницам его поэзии, точно беглые и светлые улыбки воспоминания. Вспомните хоть эти строчки:

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне⁴.

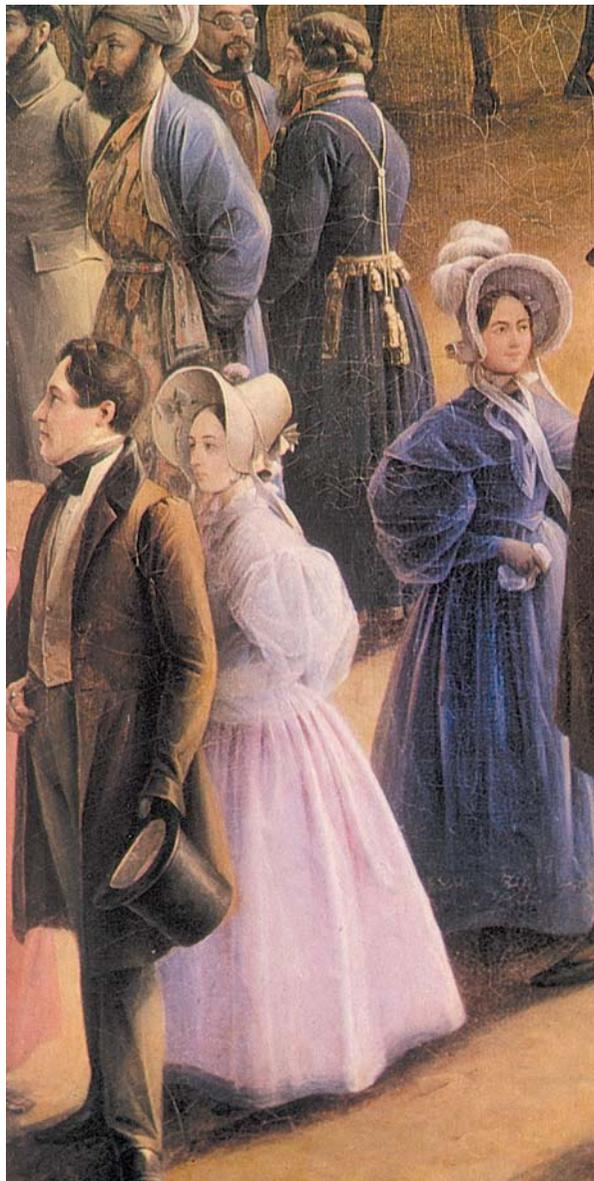
Пушкина привезли в Царское Село в 1811 г., когда ему было 12 лет, и он прожил здесь июнь и июль еще до поступления в Лицей, который открылся только 19 октября. И вот через четыре года в идиллии «Городок» он вспоминает свои первые впечатления от Царского Села:

Живу я в городке,
Безвестностью счастливым.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.

Далее в той же пьесе поэт описывает и озеро, которое поразило его детское воображение: там

...лебедь белоснежный,
Оставя знак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.

Вы видите, что форма стиха еще слаба; рифма условна и иногда изменяет; а самое подражание Батюшкову мешает свободной художественной передаче впечатлений, но разве вы не чувствуете уже правдивого пушкинского колорита на этих маленьких уютных домиках, бог весть откуда журчащих ручейках, великолепном озере с лебедями и старых, тенистых зарослях садов за ветхими заборами? Но более всего, конечно, Пушкин любил наш великолепный парк⁵. Он воспел его в том стихотворении, которое так восхитило и растрогало старика Державина⁶.

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почил дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

**Парад на Царицыном лугу
в С.-Петербурге в 1831 г.**

*Картина работы Г. Г. Чернецова.
1831–1837 гг. Фрагмент*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Ф. Анненский. Пушкин и Царское Село</i>	5
ЛИРИКА. Рисунки Н. В. Ильина	
Воспоминания в Царском Селе (<i>«Навис покров угрюмой нощи...»</i>)	29
Моя эпитафия	39
Друзьям (<i>«Богами вам еще даны...»</i>)	40
«Краев чужих неопытный любитель...»	41
Жуковскому (<i>«Когда, к мечтательному миру...»</i>)	42
К Чаадаеву (<i>«Любви, надежды, тихой славы...»</i>)	43
Деревня	44
«Редет облаков летучая гряда...»	48
Вяземскому (<i>«Извительный поэт, остряк замысловатый...»</i>)	49
Ночь	50
«Свободы сеятель пустынный...»	50
Телега жизни	51
К морю	52
«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»	54
Фонтану Бахчисарайского дворца	55
«Храни меня, мой талисман...»	56
К*** (<i>«Я помню чудное мгновенье...»</i>)	57
Желание славы	59
«Если жизнь тебя обманет...»	60
Вакхическая песня	60
19 октября (<i>«Роняет лес багряный свой убор...»</i>)	61
Зимний вечер	66
Признание (<i>«Я вас люблю, хоть я бешусь...»</i>)	68
Пророк	70
И. И. Пущину (<i>«Мой первый друг, мой друг бесценный!...»</i>)	71
«Во глубине сибирских руд...»	72
Поэт (<i>«Пока не требует поэта...»</i>)	73
19 октября 1827 (<i>«Бог помочь вам, друзья мои...»</i>)	73
Воспоминание (<i>«Когда для смертного умолкнет шумный день...»</i>)	74
Ты и вы	75
«Дар напрасный, дар случайный...»	75
Портрет (<i>«С своей пылающей душой...»</i>)	75
Предчувствие	76
«Город пышный, город бедный...»	77
Поэт и толпа	78
«Подъезжая под Ижоры...»	79

«Я вас любил: любовь еще быть может...»	79
Приметы	80
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	80
«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»	81
Зимнее утро	83
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	84
Кавказ	86
«Что в имени тебе моем?»	88
Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной...»)	89
Мадонна	89
«Мчатся тучи, выются тучи...» (Бесы)	90
Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»)	91
«Я здесь, Инезилья...»	91
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	92
«Для берегов отчизны дальной...»	93
«Два чувства дивно близки нам...»	93
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»	94
Красавица («Всё в ней гармония, всё диво...»)	95
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»)	96
«Когда б не смутное влеченье...»	97
Осень (Отрывок)	97
«Не дай мне бог сойти с ума...»	102
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»	103
«Он между нами жил...»	104
«Вновь я посетил...»	105
«В мои осенние досуги...»	107
(Из Пиндемонти)	108
«Когда за городом, задумчив, я брожу...»	109
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	110
ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ. Иллюстрации В. М. Васнецова	113
РУСЛАН И ЛЮДМИЛА. Поэма. Рисунки С. В. Малютина, каллиграфия В. Д. Замирайло	123
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН. Роман в стихах. Иллюстрации Н. В. Кузьмина, К. И. Рудакова	175
ЭПИГРАММЫ. Иллюстрации Н. В. Кузьмина	323
Примечания и комментарии	379